

УДК 82.091

doi: 10.18101/1994-0866-2016-2-133-143

Достоевский и бульварная литература: «Преступление и наказание»

© *Криницын Александр Борисович*

кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Россия, 119234, ул. Ленинские горы, д. 1, корп. 51
E-mail: derselbe@list.ru

© *Шарапова Дарима Данзановна*

аспирант кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Россия, 119234, ул. Ленинские горы, д. 1, корп. 51
E-mail: darimasharapova@gmail.com

В статье рассматривается круг аспектов, которые указывают на связь романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» с жанром бульварной литературы в целом и «Парижскими тайнами» Эжена Сю в частности. Рассматриваются как особенности построения сюжета, характерные и для «Преступления и наказания», и для бульварного романа (совпадения, обилие мелодраматических сцен, сюжетных линий и персонажей), так и отдельные характеры (Сонечка, семейство Мармеладовых, Свидригайлов), чьи образы имеют точки пересечения с типами героев бульварной литературы. Проводится сопоставление образов Сонечки Мармеладовой и Лилии-Марии («Парижские тайны» Э. Сю), в результате чего находится не только портретное сходство героинь, но и общие черты характеров и похожая судьба. Отмечается также и разнородность среды, характерная как для жанра бульварного романа, так и для «Преступления и наказания».

Ключевые слова: бульварный роман, Достоевский, «Преступление и наказание», Эжен Сю, «Парижские тайны».

Ф. М. Достоевского часто обвиняли в том, что в своих произведениях он использует приемы, характерные для жанра бульварной литературы. Надо сказать, что автор «Преступления и наказания» вовсе не опровергал подобные нападки, даже напротив — соглашался с тем, что в его работах действительно много черт, которые напоминают о бульварном романе или романе-фельетоне [5].

К проблеме влияния на творчество Достоевского бульварного жанра обращались неоднократно М. М. Бахтин [1], Л. П. Гроссман [2; 3], П. Мейер [9] и ряд других исследователей, как отечественных, так и зарубежных, однако стоит отметить, что все упоминания данными литературоведами определенных параллелей между творчеством Достоевского и романами таких авторов, как Эжен Сю или Поль де Кок, были бессистемными и лишены конкретики, целью их не было специальное выделение влияния бульварных мотивов на творчество Достоевского. Отдельного исследования тема влияния бульварного жанра на творчество Достоевского так и не была удостоена.

Но прежде чем рассуждать, насколько правомерно сравнение творчества Достоевского с литературой бульварной, необходимо определить, каковы же особенности этого жанра.

Под *бульварной литературой* принято подразумевать жанр приключенческой литературы, в произведениях которой действие происходит в современной автору эпохе (в отличие от исторических романов), а также делается обязательный акцент на освещении социальных проблем общества. Этот тип романа печатался с 1830-х гг. в виде небольших главков в журналах, из-за чего авторам приходилось заканчивать каждую часть таким образом, чтобы читатель непременно купил следующий номер, что немного напоминает издание комиксов в наше время. Для того чтобы лучше понять, что же такое бульварный жанр, позволим себе обратиться к истокам этой литературной традиции.

Бульварная литература восходит своими корнями к творчеству французского писателя Эжена Сю, главным образом к его самому известному произведению «Парижские тайны». Роман этот повествует о жизни парижского дна, среди типичных представителей которого затерялась случайно дочь герцога Родольфа Лилия-Мария, которая сама не знает о своем происхождении и становится публичной женщиной, принуждаемая к этому жестокой сводней Людоедкой и безденежьем. Отец ее, глава выдуманного Эженом Сю небольшого европейского государства, уже больше десятка лет оплакивает свою дочь, считая ее погибшей в младенчестве, и пытается развеять свою грусть, путешествуя инкогнито в одежде простолюдина по городам и весям, творя добрые дела: помогая людям бедным и добродетельным, он не забывает карать злых и жестоких.

На протяжении всего произведения (к слову, весьма объемного) главные герои встречают множество представителей как парижского дна, так и аристократии, причем среди сильных мира сего людей подлых и злых даже больше, чем в среде воров, убийц, каторжников и других парий общества. Весь роман строится на невероятных совпадениях: Родольф встречается со своей дочерью в многомиллионном Париже абсолютно случайно, спасая ее от бандитов; совершенно случайно выживает баронесса Сара: войди нож в ее тело чуть глубже — и она была бы мертва; Лилия-Мария спасается тоже случайно, в последний миг вытащенная подругой из воды; тему счастливых спасений закрыть можно апофеозом — Родольфа спасает его верный друг Поножовщик, преградивший путь кинжала к сердцу герцога своим телом... Кроме того, случайно жена встречает супруга, исчезнувшего много лет тому назад, случайно раскрывается множество заговоров против главных героев и т. д.

Помимо совпадений, роман переполнен также и пламенными монологами, театральными сценами, яркими характерами. Герои либо ангельски чисты и невинны (Родольф, Лилия-Мария, Поножовщик), либо отпетые негодяи. Попытки Эжена Сю добавить противоречия в характеры героев положительных терпят оглушительный крах, поскольку в преступном прошлом и Волчицы, и Поножовщика, и Лилии-Марии он винит развращающую среду и обстоятельства жизни, но никак не самих персонажей, которым даже малейшая помощь всемогущего Родольфа помогает необыкновенно быстро

встать на ноги и уверенно двинуться к свету. Что же касается театральных сцен, то в них недостатка нет: герои останавливаются «как громом пораженные», умирающие со смертного ложа читают безутешным окружающим длинные монологи, на которые и у здорового человека едва ли достало бы дыхания, а о сценах драк и преследований стоило бы написать отдельную главу. Кроме того, сцены мелодраматические, нацеленные на то, чтобы затронуть в душе читателя сентиментальные струны, занимают чрезвычайно важное место в поэтике бульварного романа, вызывая у читающей публики теплые эмоции по отношению к автору и герою.

Собственно же сюжет строится на множестве линий, среди которых главной, магистральной является поиск Родольфом своей дочери и последующее вызволение ее из различных неприятностей, чинимых баронессой Сарой. Линии же второстепенные призваны отвлекать читателя от основной, разворачивая перед ним истории жизней людей, косвенно связанных с Родольфом или Лилией-Марией и невольно вовлеченных в интриги вокруг герцога. Истории эти касаются как аристократов, так и бедных людей, причем на контрасте нищеты и роскоши Эжен Сю строит многие свои обличающие отступления, обвиняя общество в черствости и эгоизме. «Парижские тайны» — роман достаточно внушительного объема, а потому вовсе не удивительно, что и сюжетных линий, и персонажей в нем немало, ведь автору стоило больших трудов удерживать внимание читателя, печатая свое произведение главками на протяжении почти полутора лет в французском «*Journal des Débats Politiques et Littéraires*».

Более поздние романы бульварного жанра, выпускавшиеся уже после успеха «Парижских тайн», во многом подражали произведению Сю. За «Парижскими» последовали «Лондонские тайны» Поля Феваля, многочисленные романы Поля де Кока, из которых наиболее известна одна только «Вишенка», а также «Петербургские трущобы» Всеволода Крестовского.

В основе всех произведений этого жанра лежала некая основная интрига, например поиск пропавшего родственника или убийцы, а помимо этой главной линии развивались и второстепенные, созданные для того, чтобы читателю не становилось скучно. Неправдоподобные совпадения играют, как и в романах Сю, немаловажную роль с точки зрения сюжета, причем в романе случаются и неожиданные подарки судьбы и столь же неожиданные лишения. К первым можно отнести получение сказочного наследства, обретение влиятельного доброго родственника, о котором герой ничего доселе не знал, а ко вторым — бедствия, предусмотреть которые невозможно: внезапная болезнь, уносящая жизнь или память человека, катастрофы, революции, неожиданное банкротство, грабеж, смерть родственников, а также пожары.

Достоевский, несомненно, был знаком с литературой подобного толка. Скорее, было бы странным, если бы он не читал бульварных романов, ведь ими в его эпоху были увлечены решительно все. Белинский писал рецензии на романы Эжена Сю, многие литераторы вдохновлялись и творили в бульварном жанре, подделываясь под манеру автора «Парижских тайн», а сам Достоевский собирался даже перевести «Матильду», но не закончил работу над переводом. Тем не менее уже само это решение говорит об очень мно-

гом, а именно о том, что для Достоевского Эжен Сю как автор был необычайно важен, ведь он выбирал произведения для перевода невероятно привередливо (из полностью переведенных Достоевским романов значится лишь «Евгения Гранде» Бальзака, которым он был увлечен всю свою жизнь). Поэтому нельзя не согласиться с тем, что основатель жанра бульварной литературы Эжен Сю и его произведения, в особенности главное из них — «Парижские тайны», чрезвычайно серьезно повлияли на творчество великого русского писателя. Что же касается бульварной традиции в целом, то ее отзвуки, несомненно, присутствуют в любом из романов Пятикнижья, и дело не ограничивается влиянием одного лишь Сю — здесь влияние и Фредерика Сулье, и прозы Жюль Жанена, которых также причисляют к числу авторов данного жанра, и, разумеется, книг Поля де Кока, которого Достоевский вспоминает даже чаще, нежели Сю, на страницах своих произведений [6].

Рассмотрим некоторые жанровые и стилистические особенности романа «Преступление и наказание», которые роднят данное произведение Достоевского с жанром бульварной литературы.

Сюжет и персонажи романа «Преступление и наказание» имеют немало точек пересечения с сюжетом типичного бульварного романа. Уже сама *разнородная среда*, описываемая Достоевским, напоминает нам о нем, ведь лишь для бульварного жанра характерно такое смешение сословий. На страницах произведения Достоевского действуют как пьяница Мармеладов, так и дворянин с достатком Свидригайлов, как преступник Раскольников, так и следователь Порфирий Петрович, как добродетельная Авдотья Романовна, так и проститутка Сонечка.

При этом, как и в романах Сю, большее участие и симпатию вызывают скорее представители маргинального общества, нежели аристократия и люди с положением и капиталом, даже при том, что в романе Достоевского гораздо сложнее, нежели в произведениях Сю, выделить однозначно положительных и отрицательных персонажей. Свидригайлов, Лужин, старуха-процентщица — персонажи с положением в обществе и имеющие некоторый достаток — не вызывают в читателе сочувствия, в отличие от Раскольниковых, Разумихина и семьи Мармеладовых.

Образ Сонечки Мармеладовой во многом напоминает образ другой ангелоподобной девушки, попавшей на панель из-за нищеты, а именно — Лилии-Марии из романа Эжена Сю «Парижские тайны». Нужно сказать, что образ раскаявшейся грешницы, которая волею случая оказывается в столь недостойном положении, достаточно популярен в бульварной литературе: здесь и обманутые девушки, влюбленные и брошенные коварными красавцами («Вишенка» Поля де Кока), и проститутки, которые оказались в публичном доме из-за нищеты, и содержанки («Агасфер» Эжена Сю).

Сходство между образами Сонечки Мармеладовой и Лилии-Марии находится уже на уровне внешнего вида. Обе девушки юны: Сонечке около восемнадцати, а героине Сю «...шестнадцать с половиной лет» [8, с. 23], обе милостивы, обе выглядят нетипично для той среды, в которой вынуждены существовать, обе блондинки. Даже описание Достоевским и Сю своих пер-

сонажей очень схоже: «У нее чистый, белоснежный лоб и лицо безупречно овальной формы; длинные, слегка загнутые ресницы наполовину затемяют ее большие голубые глаза. Пушок ранней юности покрывает округлые румяные щеки. Ее алый ротик, тонкий и прямой нос, подбородок с ямочкой ласкают взор своим изяществом. На ее нежных, как атлас, висках закругляются две великолепные пепельные косы, которые, оставив на виду розовые, как лепестки роз, мочки ушей, исчезают под тугими складками ситцевого платка в голубую клетку, завязанного по-простонародному надо лбом» [8, с. 23]; «Соня была малого роста, лет восемнадцати, худенькая, но довольно хорошенькая блондинка, с замечательными голубыми глазами» [4, с. 143].

Однако стоит сказать, что трагедия Сонечки намного глубже, чем трагедия Лилии-Марии: если героиня Сю не знает о глубине своего падения и относится к нему достаточно спокойно на момент пребывания на парижском дне общества (христианство войдет в ее жизнь позже, когда Родольф вытащит девушку из губительной среды и поселит вдали от города), то Сонечка сознает, как она пала, потому что уже на момент своего грехопадения она верила в Бога и понимала, какой же именно страшный грех совершает.

При этом героиня Достоевского более жизнестойка, нежели Лилия-Мария. Дело в том, что в последних главах романа Эжен Сю перебрал множество способов решения ее судьбы уже при дворе отца-правителя Родольфа, под новым именем, с новой биографией, в среде, где ее прошлое было для всех глубокой тайной. Видно, что Сю пытался и выдать ее замуж за прекрасного принца (но Лилия-Мария отказывается, хотя и любит этого молодого человека: отказывается оттого, что греховное прошлое имеет слишком сильное влияние на нее), и посвятить ее жизнь духовному спасению, поместив в монастырь, но в итоге, судя по всему, приходит к выводу, что с такой биографией героиня не будет счастлива никогда и заканчивает роман смертью Лилии-Марии от болезни, окруженной любящими девушку монахинями и не раскрывшей свой секрет даже им. Что же касается судьбы Сонечки Мармеладовой, то ей повезло намного больше. Причиной этого, как нам кажется, является коренное различие в причине, по которой героини идут на панель: если Лилия-Мария идет из-за себя, из-за своей нищеты, то Сонечка идет ради своей семьи, ради спасения других. Кроме того, Лилии-Марии почти никого не пришлось спасать и «вести к свету» и после того, как ее спас Родольф от злой Людоедки; перевоспитанная героиней Волчица способна сама следовать по своему новому жизненному пути, не нуждаясь в помощи. Герцог, столь нежно любящий Лилию-Марию, тоже чувствует тяжесть на душе от того факта, что его дочь занималась таким презираемым ремеслом, и лишь усугубляет грусть девушки, окружив все тайной. Героиня Сю не может довериться никому, даже любимому ею человеку, тогда как Сонечке нет нужды скрываться; кроме того, у нее есть Родион, которого она любит и с которым она вместе ушла в Сибирь. Из-за того, что Сонечка посвящает жизнь другим, она остается жить; из-за того, что все блестящее настоящее перекрывается недостойным прошлым без попытки покаяния во всеуслышание для героини Сю — она умирает [7, с. 12].

Здесь же отметим и сходство семьи Мореля («Парижские тайны»), бедного, но честного огранщика, и не менее бедствующей семьи *Мармеладовых*. Морель из-за болезни не может больше заниматься своим ремеслом, его дочь, как и Соня, оказывается опозорена (Луиза Морель рождает мертвого младенца, зачатого в результате изнасилования), а большая семья нуждается в деньгах, живя в ужасных условиях; одна из дочерей умирает от холода и голода прямо возле своей сестры. От отчаяния Морель сходит с ума, и его семью от неминуемой гибели спасает лишь вовремя появившийся благодетель Родольф.

Здесь стоит сказать, что семейство Мармеладовых действительно похоже на семью Морелей, если мы говорим о бедственном положении обеих, однако вместе с тем существует и очень важное различие между Семеном Захаровичем и гранильщиком. Если Морель — честный труженик, который лишь из-за болезни потерял последнюю возможность обеспечить свою семью, то о Семене Захаровиче мы такого сказать не можем. Безусловно, и отношение у авторов к своим персонажам разное: если Сю старается вызывать сочувствие к незадачливому семейству, которое словно притягивает к себе беды, но при этом остается честным и принципиальным, то семья Мармеладовых возбуждает гораздо более противоречивые эмоции, поскольку корень несчастий, происходящих с ней, отнюдь не только в стечении обстоятельств. Здесь мы видим, что Достоевский вновь усложняет обычный для бульварной литературы мотив несчастного семейства, делая его намного более многогранным и неоднозначным, как и образ Сонечки, который, хоть и имеет сходство с обычным для Сю или де Кока типом честной падшей девушки, все же является намного более глубоким, нежели образ Вишенки или Лилии-Марии.

Что же касается образа Свидригайлова, то и в нем угадываются черты типичного героя бульварного романа, особенно похож он на Родольфа, самого герцога Герольштейнского, отца Лилии-Марии. Л. П. Гроссман писал о Родольфе из «Парижских тайн», отмечая его сходство со Ставрогиным, главным героем «Бесов»: «Этот герой Эжена Сю необыкновенно типичен. Владетельный князь, богатый, умный, богатырски энергичный и властный, обладающий изумительной силой воли и геркулесовской мощью мускулов, он пренебрегает любовью великосветских львиц и уважением сильных мира, опускается на дно столичных трущоб, где находит какое-то странное удовлетворение в дружбе с бывшим каторжником и нищей проституткой» [3, с. 55]. Однако не только Ставрогин обладает чертами Родольфа, Свидригайлов тоже имеет немало общего с этим персонажем «Парижских тайн»: он, богатый помещик, общается с людьми, которые существенно ниже его в материальном и социальном отношении, о чем весьма красноречиво говорит и тот факт, что он случайно оказывается соседом проститутки Сонечки Мармеладовой, т. е. снимает жилье среди не самых благополучных людей, несмотря на имеющиеся средства. Он завязывает сомнительные знакомства в разного рода притонах, «трактирах и клоаках» [4, с. 383] и даже выступает в роли благодетеля по отношению к бедной, случайно попавшей на «танцевальный вечер» девочке, причем без прямого намека на то, чтобы развраща-

тить ее: «...предлагаю услуги, деньги; узнаю, что они ошибкой поехали на вечер, думая, что действительно танцевать там учат; предлагаю способствовать с своей стороны воспитанию молодой девицы, французскому языку и танцам. Принимают с восторгом, считают за честь, и до сих пор знаком...» [4, с. 371]. Этот эпизод вполне можно считать пародийной аллюзией на «благодаря» Родольфа. Кроме того, Свидригайлов действительно может похвастать, как и Родольф, весьма приятной наружностью: «Это был человек лет пятидесяти, росту повыше среднего, дородный, с широкими и крутыми плечами, что придавало ему несколько сутуловатый вид. <...> Широкое, скулистое лицо его было довольно приятно, и цвет лица был свежий, не петербургский. Волосы его, очень еще густые, были совсем белокурые и чуть-чуть разве с проседью, а широкая, густая борода, спускавшаяся лопатой, была еще светлее головных волос. Глаза его были голубые и смотрели холодно-пристально и вдумчиво; губы алые. Вообще это был отлично сохранившийся человек и казавшийся гораздо моложе своих лет...» [4, с. 188]; «Это было какое-то странное лицо, похожее как бы на маску: белое, румяное, с румяными, алыми губами, с светло-белокурою бородой и с довольно еще густыми белокурыми волосами. Глаза были как-то слишком голубые, а взгляд их как-то слишком тяжел и неподвижен. Что-то было ужасно неприятное в этом красивом и чрезвычайно моложавом, судя по летам, лице» [4, с. 357]. Ср. с портретом Родольфа: «Защитнику Певуны (назовем неизвестного Родольфом) было на вид лет тридцать пять — тридцать шесть; ни средний рост его, ни стройная, на редкость пропорциональная фигура не предвещали, казалось, той поразительной силы, которую он проявил в борьбе с атлетически сложенным Поножовщиком. <...> Черты его правильны, красивы, быть может, даже слишком красивы для мужчины. Матовая бледность лица, большие желтовато-карие глаза, почти всегда полуприкрытые и окруженные синеватой тенью, небрежная походка, рассеянный взгляд, ироническая улыбка — все это, казалось, говорило о человеке пресыщенном, здоровье которого подорвано жизнью в роскоши и аристократическими излишествами» [8, с. 24–25]). Заметим, что в обоих случаях, помимо моложавости и отличной физической формы, авторы отмечают и излишнюю красоту своих персонажей: у Сю черты лица «слишком красивы для мужчины», Достоевский доводит красоту героя до отталкивающего эффекта, превращая в неприятную маску.

Но если герой Эжена Сю пытается вершить свое правосудие и помогать несправедливо обиженным беднякам, то Свидригайлов все же преследует в первую очередь свои цели, которые нельзя назвать столь благородными, а его прошлое намного темнее и непригляднее, чем жизнь Родольфа, грехи которого меркнут на фоне злодеяний Аркадия Ивановича. Родольфа нельзя назвать злодеем, ведь главный грех своей жизни он в конечном счете искупает, пусть и не полностью, найдя покинутую дочь и окружив ее любовью; Свидригайлов же не может загладить свою вину, потому что преступление его слишком велико. Однако и убийство жены, и совращение девочки, данные читателю зыбкими полупамятками, остаются за кадром, за рамками тех июльских дней, в которые разворачивается действие романа, а на его про-

тяжении Свидригайлов предстает в том числе и щедрым меценатом, который облагодетельствовал и Авдотью Романовну, и Сонечку, и не выдал полиции Раскольникова, хотя и мог бы (теоретически). Это меценатство делает его подобным благородному Родольфу, раздающему деньги нуждающимся на протяжении всего романа, что придает характеру героя Достоевского еще одну, в контексте всего романа — неожиданную, грань, хотя, разумеется, и не превращает Аркадия Ивановича в положительного персонажа.

Помимо пересечений, касающихся образов героев, существуют и другие моменты, роднящие «Преступление и наказание» с бульварным романом. Как мы уже говорили, сюжет произведения Достоевского имеет немало общих черт с романами бульварной традиции и с точки зрения сюжетного построения в том числе, произведение унаследовало от бульварной литературы такой прием, как совпадения, играющие очень важную роль в повествовании.

Почти весь роман «Преступление и наказание» строится на совпадениях, которые так характерны для поэтики бульварной традиции и без которых невозможно ни одно крупное произведение Эжена Сю, Поля де Кока и других представителей жанра. Действительно, если бы не совпадения, то всего романа и не было бы: случайно Раскольников узнает подходящее для убийства время, наткнувшись на Лизавету на улице, случайно встречается с Мармеладовым, случайно же застаёт его смерть; Свидригайлов селится возле Сони тоже непреднамеренно, равно как и Лужин, что позволяет Достоевскому развернуть интригу самым неожиданным образом: именно так Аркадий Иванович оказывается в курсе дела Раскольникова. Это далеко не все совпадения, на которых строится роман, но достаточные для иллюстрации нашего тезиса.

Не меньшую роль играют и *мелодраматические сцены*, настроенные на то, чтобы растрогать читателя. Трагическая сцена изгнания Катерины Ивановны с детьми из дома, последние минуты умирающего Мармеладова, чтение Евангелия Сонечкой и Раскольниковым, наконец, эпилог, полный торжественности — все это прекрасно подходит для того, чтобы потрясти публику, не оставив ее равнодушной. Именно при помощи таких сцен Достоевский, как и Эжен Сю или Поль де Кок, формирует отношение к тому или иному герою.

Вокруг основной линии романа существуют побочные, как любовные (любовь Свидригайлова к Дуне, линии Сони и Раскольникова, Разумихина и Дуни), так и иные (судьба Свидригайлова, участь семейства Мармеладовых).

Раскольников пытается бежать от правосудия и своей совести, совершив преступление, и именно эта внутренняя борьба, столь тонко и точно выписанная Достоевским, и является сюжетной основой романа. В этом поражающем психологизме состоит колоссальное различие между типичным бульварным романом и «Преступлением и наказанием». Дело в том, что типичное произведение бульварного жанра за всеми перипетиями сюжета теряет очень важное свойство, а именно — глубину характеров героев. Практически во всех романах Сю, Феваля, Жанена и других авторов данного жанра персонажи ходульны, примитивно функциональны, похожи друг на друга, их легко разделить на несколько типов (чистая и невинная главная

героиня, красивая, словно ангел; злая и коварная антагонистка, наделенная дьявольским очарованием; благородный помощник из простого народа, недалекий, но при этом верный и т. д.), причем типы эти кочуют из одного романа в другой, постепенно превращаясь в шаблонные. Само собой разумеется, что и психологическая борьба внутри характера героя бульварного романа практически невозможна, глубокие переживания неведомы им. В целом следует отметить и явную нелогичность, преследующую действия героев бульварного романа, — порой автор даже не пытается придумать достаточно убедительную мотивацию для действия того или иного героя, списывая все на «порывы души». Что же касается героев «Преступления и наказания», то их поведение и характеры в корне отличаются от указанной модели.

Тем не менее *обилие сюжетных линий и персонажей*, очень динамичное развитие действия романа роднят произведение с бульварным жанром. Более того: Достоевский писал «Преступление и наказание» именно как роман-фельетон, потому как не успевал закончить произведение в срок разом, и оттого сдавал частями редактору. Это очень тяготило автора, вынужденного из-за спешки додумывать и дописывать роман на ходу. Точно так же, как и Достоевский, были вынуждены писать и многие авторы бульварных романов, подстегиваемые сроками сдачи материала в номер.

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что данная статья не содержит все аспекты и случаи влияния бульварного романа на «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского. Мы отметили лишь наиболее значимые особенности, касающиеся сюжета и персонажей произведения, которые имеют точки соприкосновения с жанром бульварного романа. Такие ключевые для построения бульварного романа приемы, как совпадения, мелодраматические сцены, раскручивание интриги, обилие персонажей и сюжетных линий, играют в произведении Достоевского немаловажную роль, используя для привлечения внимания читателя и удержания его заинтригованным на протяжении всего повествования. Что же касается персонажей, то такие герои, как Сонечка Мармеладова и ее семейство, имеют определенные сходства с типичными персонажами бульварного романа, где типы честной, но при этом падшей девушки и бедного семейства настолько широко распространены, что мало какой бульварный роман обходится без них. Однако стоит помнить, что, хотя персонажи Достоевского имеют точки соприкосновения с устойчивыми типами бульварного романа, знак абсолютного равенства между Сонечкой Мармеладовой и, к примеру, Лилией-Марией Эжена Сю поставить невозможно.

Здесь же стоит указать и на одну очень важную черту, которая отличает роман Достоевского от бульварного жанра. Психологизм прозы русского автора абсолютно не свойственен литературе бульварной, персонажи которой лишены столь глубоких переживаний и противоречий, содержащихся в «Преступлении и наказании». Если герои Эжена Сю, Поля де Кока и других представителей жанра достаточно типичны, схожи друг с другом и ходульны, то персонажи Достоевского обладают глубокой индивидуальностью, собственной философией и сложным внутренним миром, которые в корне отличают их от первых.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Азбука-классика, 2016. — 416 с.
2. Гроссман Л. П. Достоевский. — М.: Астрель, 2011. — 539 с.
3. Гроссман Л. П. Поэтика Достоевского. — М.: ГАХН, 1925. — 188 с.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / подгот. текста и примеч., сост. А. В. Архипова и др. — Т. 6: Преступление и наказание. — Л.: Наука, 1973. — 421 с.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / подгот. текста и примеч., сост. А. В. Архипова и др. — Т. 20: Статьи и заметки: 1862–1865. — Л.: Наука, 1980. — 431 с.
6. Еленгеева И. Произведения Поль де Кока в круге чтения персонажей Ф. Достоевского // Вестник Казах. нац. пед. ун-та. Сер. Филологическая. — 2010. — № 1. — С. 83–86.
7. Зенкин С. Н. Мифы и мечты Эжена Сю // Сю Э. Парижские тайны. — М.: Художественная литература, 1989. — Т. 1. — С. 3–16.
8. Сю Э. Парижские тайны. — М.: Художественная литература, 1989. — Т. 1. — 608 с.
9. Meyer P. How the Russians Read the French: Lermontov, Dostoevsky, Tolstoy. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2008. 296 p.

Dostoyevsky's «Crime and Punishment» and dime novels***Aleksandr B. Krinitsyn***

PhD in Philology, A/Professor, Department of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University
1/51 Leninskie gory St., Moscow 119234, Russia

Darima D. Sharapova

Research Assistant, Department of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University
1/51 Leninskie gory St., Moscow 119234, Russia

The article deals with several aspects that indicate the relations of the Fyodor Dostoyevsky's novel "Crime and Punishment" with the genre of dime novels in general and Eugene Sue's novel "Mysteries of Paris" in particular. We have considered both the features of plot construction, which is typical as for "Crime and Punishment" as for dime novels (matches, plenty of melodramatic scenes, storylines and characters), and individual characters (Sonia, The Marmeladovs, Svidrigailov). The comparison of images of Sonechka Marmeladova and Fleur-de-Marie ("The Mysteries of Paris" by Eugene Sue) show not only the portrait likeness of characters, but also the similarities in their characters and fate. Also, we have emphasized the diversity of community, which is characteristic for genre of dime novels and for "Crime and Punishment".

Keywords: dime novel, Dostoyevsky, «Crime and Punishment», Eugene Sue, "The Mysteries of Paris".

References

1. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoyevsky's Poetics]. Moscow: Azbuka-klassika Publ., 2016. 416 p.
2. Grossman L. P. *Dostoevskii* [Dostoyevsky]. Moscow: Astrel' Publ., 2011. 539 p.
3. Grossman L. P. *Poetika Dostoevskogo* [Dostoyevsky's Poetics]. Moscow: State Academy of Arts Publ., 1925. 188 p.
4. Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 6: Prestuplenie i nakazanie* [Complete Works of F. M. Dostoyevsky. V. 6: Crime and Punishment]. In 30 v. Leningrad: Nauka Publ., 1973. 421 p.

5. Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 20. Stat'i i zametki: 1862–1865* [Complete Works of F. M. Dostoyevsky. V. 20. Articles and Notes: 1862–1865]. In 30 v. Leningrad: Nauka Publ., 1980. 431 p.
6. Elengeeva I. Proizvedeniya Pol' de Koka v krughe chteniya personazhei F. Dostoevskogo [Works of Paul de Kock in the Circle Reading of Dostoyevsky's Characters]. *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Filologicheskaya — Bulletin of Kazakh National Pedagogical University. Ser. Philological*. 2010. No. 1. Pp. 83–86.
7. Zenkin S. N. Mify i mechty Ezhena Syu [Myths and Dreams of Eugene Sue]. *Parizhskie tainy — The Mysteries of Paris*. V. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. Pp. 3–16.
8. Sue E. *Parizhskie tainy* [The Mysteries of Paris]. V. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. 608 p.
9. Meyer P. *How the Russians Read the French: Lermontov, Dostoevsky, Tolstoy*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2008. 296 p.